

Муртазина Лилия Робертовна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальных
и гуманитарных дисциплин
филиала Казанского (Приволжского)
федерального университета
в г. Набережные Челны
Liliya-201022@rambler.ru

**АВТОНОМИЗАЦИЯ БРАЧНОГО,
СЕКСУАЛЬНОГО
И РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
НАСЕЛЕНИЯ
КАК ФАКТОР ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ
СЕМЕЙНО-БРАЧНОЙ МОРАЛИ**

Аннотация:

Рассмотрены новые тенденции в сферах семейно-брачного, репродуктивного и сексуального поведения в постсовременных обществах. На материале вторичного анализа данных анкетных опросов студентов и собственного исследования, проведенного в ряде вузов Республики Татарстан, представлена характеристика изменений в структуре семейно-брачных ценностей (реорганизация семейно-брачных статусных ролей, дифференциация сфер семейно-брачного, репродуктивного и сексуального поведения, формирование толерантности общественного мнения по отношению к добрачному опыту супругов и др.).

Ключевые слова:

семейно-брачные отношения, репродуктивное поведение, сексуальное поведение, сексуальная революция, либерализация семейно-брачной морали.

Murtazina Liliya Robertovna

Candidate of Sociology,
associate professor of the chair of
social and humanitarian disciplines,
Branch of Kazan (Volga)
Federal University
in Naberezhnye Chelny
Liliya-201022@rambler.ru

**AUTONOMICS OF MARRIAGE,
SEXUAL AND REPRODUCTIVE
BEHAVIOR OF
THE POPULATION
AS A FACTOR OF LIBERALIZATION OF
FAMILY AND MARRIAGE MORALS**

The summary:

In article new tendencies in spheres of family-marriage, reproductive and sexual behavior in post-modern societies are considered. On a material of the secondary analysis of the given questionnaires of students and own research spent in a number of high schools of Republic Tatarstan, the characteristic of changes in structure of family-marriage values (reorganization of family-marriage status roles, differentiation of spheres of family-marriage, reproductive and sexual behavior, formation of tolerance of public opinion in relation to premarital experience of spouses, etc.) is presented.

Keywords:

family and marriage relations, reproductive behavior, sexual behavior, sexual revolution, liberalization of family-marriage morals.

В постсовременных обществах произошли существенные изменения в семейно-брачном и сексуальном поведении людей: биологическая, репродуктивная нормативность уже не сводится только к продолжению рода; признаются самоценность сексуальности и вариативность ее проявления. Эти изменения подвергаются и социологическому обоснованию: в научном дискурсе становится общепринятым использование во множественном числе ряда понятий, характеризующих сексуальное поведение («сексуальности», «сексуальные практики», «сексуальные культуры»), в чем мы видим значимость его социокультурного конструирования. М. Фуко рассматривал сексуальное поведение как эволюционирующий феномен, фактор конструирования современных представлений о человеке в целом [1].

Собственный комментарий характеристики Э. Гидденсом изменений в сексуальных культурах и практиках в современных обществах представим следующим образом:

– в современных обществах публичная власть – прерогатива мужчин, а сфера частного – женщин, поэтому «трансформацию интимности»/«инфраструктурную революцию интимности» инициируют именно женщины»;

– подобные изменения в статусных ролях мужчин и женщин обусловили отделение сексуального поведения от репродуктивного;

– открывшиеся вследствие этих изменений возможности сексуальных практик и мужчин, и женщин превращают сексуальность в относительно автономную сферу жизни;

– интимные отношения между мужчиной и женщиной оказались важнее их кровнородственных связей;

– реорганизация сексуальных практик провоцирует радикальные изменения характера семейно-брачных отношений;

– изменения в сексуальных практиках, в свою очередь, оказывают преобразующее действие на общество в целом [2].

В постсовременных обществах сексуальные практики все более дистанцируются от семейно-брачных, становясь самодостаточными, что можно рассматривать в качестве одного из факторов современного кризиса института брака. Эти изменения западными социологами не оцениваются лишь с однозначно позитивных позиций. Напротив, по их мнению «в новой атмосфере откровенной сексуальности и гедонизма любовь... уступила свое место сексу ради секса» (С. Джейнус) [3]; американское общество за последние пятьдесят лет «из общества, в котором сексуальность была покрыта тайной..., превратилась в общество, где она вездесуща» (Р. Михель) [4]; сексуальный плюрализм нельзя рассматриваться как необходимый аспект демократического образа жизни (А.Л. Рисс, Х.М. Рисс) [6].

В советских традициях отечественных гуманитарных наук, литературы и искусства проблема сексуальности была табуирована. На необходимость исследования социальной значимости сексуальности первым в 1980-е гг. настаивал И.С. Кон (написанная им тогда книга была настолько смела и не вписывалась в советскую нормативность сексуальности, что была издана только в Эстонии и в переводе на эстонский язык).

Лишь в постсоветский период проблема сексуального поведения была введена в предметную область российской социологии. Так, С.И. Голод в числе семи важнейших «адаптационных ниш», оказывающих воздействие на устойчивость супружеских отношений, наряду с духовной, психологической, информационной, родственной, культурной, бытовой, называет и сексуальную нишу [7]. К внешним признакам происходящей и в российском обществе сексуальной революции В.Ф. Анурин относит такие признаки, как: стирание двойного стандарта в половой морали; отделение сексуальности от функции деторождения; растущую терпимость общества к добрачным половым связям; усиление открытости сексуальной сферы; признание права женщин на обладание собственной сексуальностью; коммерциализация секса; повышение толерантности к нетрадиционным формам сексуальных отношений; расширение разнообразия сексуальных практик в массовом масштабе [8].

Для обобщающей характеристики происшедших за последние почти 40 лет изменений в семейно-брачном и сексуальном поведении молодежи произведем вторичный анализ результатов исследований 1965, 1972 и 1995 гг. среди студентов ленинградских вузов, взяв фрагментарно в качестве предмета лингвистического анализа статусы «подруга – друг», «невеста – жених», «первый сексуальный партнер»:

1) в исследованиях, относящихся к 1965 и 1970 гг., статусы «подруга, друг» устойчиво и у мужчин, и у женщин идентифицируются со статусом «первый сексуальный партнер». Однако современный контекст слов «подруга», «друг» (ставшие модными и вошедшие в лексикон повседневной речи «girl-friend», «boy-friend») существенно отличается от их традиционного возвышенно-целомудренного значения, когда под ними в 1960–1970-е гг. привычно понимались «невеста», «жених», рассматривавшиеся средой ближайшего окружения как потенциальные кандидаты в жены/мужья. Как видим, произошла девальвация нравственной самооценности статусов «друг/подруга», «жених/невеста»;

2) женщины склонны рассматривать понятия «друг», «жених» как близкородственные, что указывает на их более доверительное отношение к первому сексуальному партнеру, на повышенный уровень надежды, что он и станет для них будущим мужем, тогда как мужчины явно дистанцируют статусы «подруга» и «невеста»;

3) «освобождение женщин от иллюзий», что первый сексуальный партнер станет их мужем, особенно наглядно в материалах опроса 1995 г., где «муж» вытеснен на периферию, что мы оцениваем как снижение планки сексуальной морали общества;

4) в материалах исследования 1995 г. на второй позиции в качестве первого сексуального партнера у женщин выступает «мужчина значительно старше по возрасту и с иными интересами», что нами интерпретируется как феномен формировавшейся в 1990-е гг. и утвердившейся в настоящее время прагматизации сексуального поведения женщин: «мужчина значительно старше по возрасту и с иными интересами» имеет явные преимущества перед сверстниками женщины (финансово состоятелен, имеет квартиру, машину, может оказать материальную помощь и т.п.), хотя как кандидат в мужа маловероятен (чаще всего – уже женат и рассматривает сексуальную партнершу как связь, «параллельную постоянной»/«супружеской»);

5) главная особенность происшедших изменений в сексуальном поведении молодежи заключается в том, что статусы «невеста»/«жених», будущая жена/муж более не рассматриваются и мужчинами, и женщинами в роли первого сексуального партнера.

Вышеотмеченные изменения семейно-брачного, репродуктивного и сексуального поведения нашли отражение и в материалах проведенного нами (2009 г.) углубленного интервью (чис-

ло информантов – 384 чел.) в вузах Республики Татарстан (Набережно-Челнинский филиал Казанского государственного университета, Казанский государственный аграрный университет, Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет, Казанский государственный университет культуры и искусств).

По полученной информации, к признакам реально происходящей в российском обществе сексуальной революции студенты отнесли: «раскрепощение эротических и сексуальных представлений», «раскованность сексуального поведения», «открытое публичное обсуждение в средствах массовой информации вопросов секса», «повышение информированности людей об интимной сфере», «снятие запретов, ограничивающих сексуальную активность», «изменение норм сексуальной жизни», «отделение сексуального поведения от семейно-брачного поведения», «моральное разложение», «распространение непристойного поведения», «разгул неконтролируемых сексуальных отношений», «распространение нетрадиционных форм сексуального партнерства», «расширение представлений о приемлемых сексуальных техниках» и др.

Большинство студентов (около 75 % опрошенных) не считает достойным осуждения до-брачный сексуальный опыт своего будущего супруга/будущей супруги. В то же время мужчины склонны в большей степени оправдывать «для себя» и в меньшей степени – «для женщин» до-брачные связи. Подавляющее большинство опрошенных студентов (82 % мужчин и 71 % женщин) уже имели сексуальные контакты, хотя при этом в браке состояли лишь 23 % респондентов.

Представленную в современном научном и общественном дискурсе тенденцию к автономизации брачного, сексуального и репродуктивного поведения нельзя считать новым феноменом постсоветского российского общества. В дооктябрьский (1917 г.) период семейно-брачная мораль была более строгая, чем в последующие периоды: тогда религия строго поддерживала консервативные нравственные устои семьи и брака. Такие ценности, как сохранение целомудрия женщин до вступления в брак, супружеская верность, стали девальвироваться в советский период. В этом долгом процессе обозначим несколько пиков: 1) послереволюционные 1920-е годы, когда общество подверглось аномии: дореволюционные ценности были опровергнуты (в их числе оказалась и семейно-брачная мораль). Ненадолго, но успела оставить след так называемая теория «стакана воды», приверженцами которой стали отдельные политические деятели-женщины (А. Коллонтай, И. Арманд), писатели, поэты, воспевавшие свободную любовь»; 2) первые послевоенные (1945–1950-е гг.), когда ввиду дефицита мужчин и объективной необходимости компенсации потерянной численности населения идеологически поощрялись так называемые гражданские браки; 3) хрущевский период политической «оттепели», когда были ослаблены механизмы социального контроля над личной жизнью людей и вмешательства государства в нее; 4) 1970-е гг., названные позднее годами «застоя» во всех сферах общественной жизни, когда нравственная планка общества резко снизилась, чему, по-видимому, были и иные тому причины, нами не изученные; 5) середина 1990-х гг. – годы социальных потрясений, неопределенности жизненных перспектив значительной части населения, период новой социальной аномии, когда перестали действовать прежние нравственные нормы, произошла идеологическая плюрализация; 6) современный пик, когда выросло новое (метафорически определенное некоторыми исследователями как «непоротое поколение») постсоветское поколение рождения 1990-гг., свободное от предрассудков и моральных ограничений, ориентированное на прозападные нравственные стандарты семейно-брачного и сексуального поведения, сформировавшееся под воздействием вестернизации, на фоне отсутствующего социального контроля над средствами массовой информации.

Как отмечалось на 13-ом всемирном конгрессе социологов, социологии все же переоценили положительные последствия постмодернизации и глобализации [9]. Последствиями сексуальной революции являются девальвация возвышенных чувств любви, беспредельная, бесконтрольная свобода сексуального поведения, что в настоящее время исследователями не оценивается как «великое достижение» постмодернизации обществ и глобализации.

Ссылки:

1. Фуко М. История сексуальности-III. Забота о себе. Киев, 1998.
2. Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford, 1992.
3. Джейнус С., Джейнус С. Секс в двадцатом веке // Сексология. СПб., 2001. С. 108–109.
4. Michael R. Sex in America. A Definitive Report. Boston: Little Brown, 1994.
5. Reiss I.L. The End of Shame. Shaping Our Next Sexual Revolution. N.Y., 1990.

References (transliterated):

1. Foucault M. Istoriya seksual'nosti-III. Zabota o sebe. Kiev, 1998.
2. Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford, 1992.
3. Dzheyynus S., Dzheyynus S. Seks v dvadtsatom veke // Seksologiya. SPb., 2001. P. 108–109.
4. Michael R. Sex in America. A Definitive Report. Boston: Little Brown, 1994.
5. Reiss I.L. The End of Shame. Shaping Our Next Sexual Revolution. N.Y., 1990.

6. Голод С.И. Сексуальность, гендер и семья: социологическая интерпретация // Человек. 2004. № 5. С. 152–153.
7. Анурин В.Ф. Интеллект и социум: Введение в социологию интеллекта. Н. Новгород, 1997 ; Анурин В.Ф. Сексуальная революция: двойной стандарт // Социологические исследования. 2000. № 9.
8. Голод С.И. Сексуальная эмансипация женщин и проблема другого // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2. № 2.
9. Титаренко Л.Г. Социология на перепутье // Социологические исследования. 2010. № 3.
6. Golod S.I. Seksual'nost', gender i sem'ya: sotsiologicheskaya interpretatsiya // Chelovek. 2004. No. 5. P. 152–153.
7. Anurin V.F. Intellect i sotsium: Vvedenie v sotsiologiyu intellekta. N. Novgorod, 1997 ; Anurin V.F. Seksual'naya revolyutsiya: dvoynoy standart // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2000. No. 9.
8. Golod S.I. Seksual'naya emansipatsiya zhenshchin i problema drugogo // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. 1999. Vol. 2. No. 2.
9. Titarenko L.G. Sotsiologiya na pereput'e // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2010. No. 3.